

Въ началѣ жизни и на порогѣ вѣчности.

(Посвящено памяти И. С. Тургенева. 1883 г.).

орокъ шесть лѣтъ тому назадъ, въ Петербургѣ въ одинъ изъ „хорошихъ“ весеннихъ дней къ дому на Екатерингофскомъ проспектѣ у Калинкина моста подъѣхала наемная коляска, изъ которой вышелъ очень высокаго роста еще молодой человѣкъ, стройный, красивый съ густыми свѣтло-русыми волосами, густо окружавшими его большую голову съ крупными, характерными чертами. На большихъ, продолговатыхъ голубыхъ глазахъ были надѣты въ золотой оправѣ синія очки, отчего цвѣтъ глазъ его казался еще голубѣе. Въ старину, въ весьма немногихъ домахъ имѣли швейцаровъ, почему не вдругъ новопріѣзжій могъ отыскать въ домѣ квартиру по адресу. Онъ позвонилъ прежде во 2-ой этажъ (занимаемый хозяевами дома); вышедшая горничная ему указала на верхній этажъ и услужливо вызвалась предупредить о немъ тѣхъ, кого онъ спрашивалъ, объѣжавъ впередъ по заднему ходу. Когда пріѣзжій поднялся по лѣстницѣ, дверь въ квартиру 3-го этажа была уже отворена.

— Какъ о васъ доложить?—спросила его опрятно, но просто одѣтая служанка, пропустивъ его въ чистую переднюю, но не снимая съ него плаща.—Ваши господа должны были знать о моемъ пріѣздѣ, изъ письма нашей общей родственницы тульской помѣщицы Скуратовой,—отвѣчалъ вошедшій, не называя своей фамиліи. Тогда служанка сказала:—пожалуйте, сейчасъ доложу барынѣ,—и отворила дверь въ гостиную. Но пріѣзжій остановился и просилъ дѣвушку вызвать младшую барышню, Елисавету Никитичну—писа-

тельницу.—Знаемъ, что барышню часто спрашиваютъ,—отвѣчала служанка, но она не ко всѣмъ выходитъ, а принимаетъ барыня, ихъ маменка. Служанка попросила его войти и обождать въ гостиной. Молодой человѣкъ вошелъ въ просторную комнату, съ тремя окнами на улицу, въ которой было еще двѣ двери,—обѣ запертыя, съ старинною мебелью изъ краснаго дерева; надъ диваномъ висѣли въ золотыхъ рамахъ два большихъ, поясныхъ масляными красками портрета: молодого мужчины, въ статскомъ платьѣ, съ георгиевской ленточкой въ петлицѣ, и молодой женщины, въ черномъ бархатномъ платьѣ, съ накинутой на плечи бѣлой турецкой шалью, на овально кругломъ столѣ передъ диваномъ лежала послѣдняя книжка журнала „Библиотеки для Чтенія“ два, три №№ „Сѣверной Пчелы“, французскій томикъ Бальзака въ переплетѣ и еще объемистый томъ германскаго ученаго Лафатера. Напротивъ дивана у стѣны стояло открытое фортепіано, надъ нимъ висѣло нѣсколько картинъ, также въ золотыхъ рамахъ, старинной школы фламандской живописи. Но пріѣзжій не успѣлъ осмотрѣться, какъ изъ боковой двери показалась маленькаго росту, пожилыхъ лѣтъ, дама въ черномъ платьѣ, въ бѣломъ тюлевомъ чепцѣ, съ зеленымъ зонтикомъ на глазахъ, блѣднолицая, но съ выразительными чертами, въ которой нетрудно было узнать устарѣлый подлинникъ портрета, болѣзненнаго вида.—Очень рада познакомиться съ вами, Иванъ Сергѣевичъ,—привѣтливо обратилась она къ гостю, съ осторожностью помѣстившись на диванѣ и предложила ему сѣсть поближе. Пріѣзжій не могъ вдругъ замѣтить, что она слѣпа. Послѣ перваго обмѣна привѣтствій и передачи поклоновъ отъ родственницъ, молодой человѣкъ посмѣшилъ выразить желаніе „лично познакомиться съ новоявляющимся русскимъ поэтомъ“.—„Лизанька!“—позвала старая дама, обернувшись въ сторону двери, изъ которой сама вышла. Вошла дѣвочка, по виду едва 14 лѣтъ, съ темнорусыми раскиданными по плечамъ крупными локонами, въ голубомъ шерстяномъ платьѣ и черномъ шелковомъ передникѣ.—Неужели,—выразилъ искренно свое удивленіе пріѣзжій,—я вижу предъ собой поэта, уже почтеннаго золотой медалью Россійской Академіи?—Дѣвочка слегка улыбнулась и, взглянувъ на него своими большими глубокими темно-сѣрыми глазами, сказала прямо:—это обыкновенный вопросъ, при первомъ знакомствѣ,—впрочемъ, я и сама не считаю себя взрослою и понимаю, что медалью наградили меня только для поощренія другихъ: пора учиться русскимъ дѣвушкамъ правильно писать на своемъ языкѣ...—Но, однако же,—возразилъ юноша-Тургеневъ (конечно, читатель догадался, что это былъ онъ),—не за правописаніе же вы получили медаль, неужели вы сами этого не

сознаете? О васъ говорятъ вездѣ, гдѣ только читаютъ журналы, и всѣ наши авторитеты признаютъ за вами право со временемъ занять не послѣднее мѣсто въ ряду русскихъ литераторовъ; женщина-поэтъ еще рѣдкое у насъ явленіе. Мы можемъ разсчитывать на дальнѣйшее ваше развитіе, судя по первымъ вашимъ опытамъ въ печати, и пророчить вамъ славную будущность... Но слѣпая дама вдругъ остановила его восторженную рѣчь, неожиданнымъ выраженіемъ своего предубѣжденія противъ поступленія дочери на литературное поприще, и такъ безповоротно-рѣшительно заявила о своемъ намѣреніи дѣйствовать вопреки требованію членовъ Россійской Академіи (доживавшей тогда уже послѣдній свой годъ (1837 г.) воспитать книжницу изъ ея дочери,—что разговоръ угрожалъ перейти въ настоящее преніе, и Тургеневъ готовъ былъ увлечься до нѣсколько щекотливаго противорѣчія. Дѣвица-поэтъ вынуждена была вмѣшаться и перевести разговоръ на своихъ общихъ родственниковъ въ Тульской и Орловской губ. и перейти къ воспоминаніямъ о селѣ Спасскомъ, гдѣ проводило ихъ семейство годъ траура по отцѣ своемъ, чтобы успокоить возбужденность своей матери. Тургеневъ пояснилъ свое посѣщеніе не только желаніемъ исполнить данное ему порученіе своей тетки отъ семейства Скуратовыхъ, бывшихъ въ свойствѣ съ его матерью, по ея роднымъ Сомовымъ, но и собственнымъ горячимъ желаніемъ послужить, чѣмъ, можетъ, успѣхамъ новаго таланта, и просилъ юную поэтессу смотрѣть на него, какъ на своего кузена, къ которому она всегда можетъ обратиться за всякой услугой. Когда Тургеневъ всталъ прощаться, онъ не удержался, чтобъ еще разъ не попытаться поколебать предубѣжденія строгой матери-защитницы замкнутаго положенія русской женщины:—Талантъ не можетъ быть связанъ и подчиненъ однимъ узкимъ условіямъ семейныхъ отношеній, и вы погрѣшите, если его самовольно отнимете отъ общества,—заклучилъ онъ. Госпожа Шахова возразила, что она не столько дорожитъ способностью дочери къ литературѣ, сколько ея религіозными убѣжденіями, которыя она можетъ растерять въ погонѣ за славою поэта.—Не въ монастырь же вы готовите Елисавету Никитичну,—пошутилъ Тургеневъ и, обратясь къ дѣвушкѣ, присовокупилъ:—Сохраните вашу умственную свободу и оставайтесь вѣрной призванію поэта. Онъ еще помедлилъ уходить, и нѣсколько минутъ позволилъ себѣ художническое наблюденіе надъ безотвѣтно стоящею передъ нимъ молоденькой дѣвушкой, невольно опустившей глаза подъ его глубоко-устремленнымъ на нее взглядомъ, но, вѣроятно, понявъ, что она или лишена всякой возможности побѣдить предубѣжденія матери или сама душевно раздѣляетъ ихъ,

откланялся и вышелъ, не получивъ приглашенія на дальнѣйшее сближеніе съ нею. Они никогда уже болѣе не встрѣтились. Неизвѣстно—осталась, сохранилась ли эта первая встрѣча въ памяти великаго впоследствии художника—наблюдателя современныхъ ему людей. Въ 50-хъ годахъ вышло изъ печати „Дворянское гнѣздо“; многіе, знавшіе Лизу Ш., уже давно смѣнившую свое чуть начатое литературное поприще на заключеніе монастырское, подозрѣвали въ „Лизѣ“ Тургеневой ея перевоплощеніе, и говорили и писали отшельницѣ свои вопросы по этому предмету такъ убѣдительно, что она пожелала, наконецъ, сама прочесть романъ Тургенева, который ей услужливо прислала одна барышня, гостившая въ одной келіи съ дѣвицей Ш. и находившая въ ней во многихъ чертахъ и приемахъ замѣчательное сходство съ героиней „Дворянскаго гнѣзда“. Это было первое литературное произведеніе, которое прочтала молодая отшельница послѣ болѣе 5-ти лѣтняго оставленія всякой связи съ обществомъ и литературой. Дѣвица Ш. не могла не поддаться жадному увлеченію красотами слога и творчества даровитаго бытописателя: она прочла въ однѣ сутки обѣ части романа и возвратила ихъ немедленно, по почтѣ, той, отъ кого получила, написавъ ей сердечный отзывъ о достоинствѣ новаго романиста, но просила ее разубѣдить всѣхъ, невѣрно подозрѣвающихъ въ ней его героиню, съ которой она не имѣетъ по судьбѣ ничего общаго, и никогда не мечтала, что могла служить автору за идеаль, имъ живо изображенный въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“. Еще черезъ нѣсколько лѣтъ, отшельница Ш. была пострижена въ мантию, и была переведена изъ Т—скаго монастыря, гдѣ завѣдывала приютомъ дѣвицъ духовнаго званія, по вызову начальника С.-З. края въ Виленскій Маріинскій монастырь, на ту же должность при училищѣ въ приютѣ. Настоятельница Виленскаго монастыря игуменія Флавіана одобрила предложеніе новой наставницы нѣсколько распространить программу училища, чтобъ доставить дочерямъ священниковъ и русскихъ чиновниковъ, служащихъ въ С.-З. краѣ, большее развитіе, для предстоящаго имъ поприща сельскихъ учительницъ по русскимъ окраинамъ. Въ составъ учебнаго курса введена была и русская словесность, съ отдѣломъ исторіи отечественной литературы. Юныя, воспримчивыя литвинки, по большей части даже полекъ-матерей, дотолѣ не имѣвшія никакого понятія ни о русской исторіи, ни тѣмъ менѣе о богатствѣ русскаго слова, сильно заинтересовались новымъ и любопытнымъ для нихъ предметомъ изученія. Наставницѣ понадобилось завести, въ вечерніе часы, свободные отъ уроковъ, нѣчто въ родѣ литературнаго чтенія, и она обратилась къ одному изъ посѣтителей Ма-

ринскаго пріюта, искренно преданному успѣху русскаго дѣла и ревнителю православія съ просьбою доставлять ей необходимыя книги и изданія повѣйшей литературы. Изъ первыхъ присланныхъ наставницѣ пріюта—было „Записки охотника“. Обаятельная сила живописи въ словѣ Тургенева вызвала въ развивающихся сердцахъ не одинъ восторгъ къ изяществу описанія, но чувство симпатіи къ странѣ и ея народу, дотолѣ скрывавшемуся подѣ мрачными тѣнями, въ политическомъ туманѣ, отъ трезваго взгляда впечатлительныхъ, нетронутыхъ наукой подростковъ. Пѣвучая проза автора „Записокъ охотника“ воспринималась ими живо, какъ музыка, воодушевляющая, и заучивающаяся по страницамъ: особенно „Бѣжинъ лугъ“ повторялся наперерывъ восхищенными воспитанницами. Чернокудрявыя и златокудрявыя головки картинно склонялись надъ книгой Тургеневскихъ описаній лѣсовъ и полей простора земли русской, въ порывахъ нетерпѣнія слѣдятъ за чтеніемъ одной изъ чтницъ, избранныхъ наставницей. Уже отъ Тургенева постепенно могла она перевести своихъ ученицъ къ знакомству съ другими русскими классиками въ литературѣ, почему за нимъ остается первая честь возбужденія любви къ своей странѣ и даже въ душахъ предубѣжденныхъ противъ нея непріязненно. Къ какому заключенію ведутъ эти летучіе отрывки воспоминаній о нынѣ, такъ всемірно чествуемомъ, новоотшедшемъ въ вѣчность русскомъ служителѣ слова? въ правѣ спросить, въ недоумѣніи, неудовлетворенный читатель. Шутя брошенъ былъ юношей Тургеневымъ вышешприведенный вопросъ матери дѣвницы-поэта:—не въ монастырь же вы готовите вашу дочь? однакоже въ немъ заключалось что-то вѣщее, какъ присущее человѣку, одаренному лучшимъ изъ даровъ—Божественнымъ словомъ. Надежды и желанія генія, по-истинѣ наслѣдовавшаго потомъ славную будущность, которую онъ пророчилъ дѣвушкѣ-подростку,—не совершились, а вскользь сорвавшееся съ устъ его слово, съ опредѣленіемъ иного для нея призванія—совершились на дѣлѣ. Елисавета Ш. сошла съ поприща, доставляющаго лавры земного величія и безсмертія въ переходящихъ вѣкахъ, и увѣнчалась терновымъ вѣнцомъ земныхъ страданій, въ упованіи наслѣдія вѣчнаго. Иванъ Тургеневъ прославленъ на землѣ, какъ геній, царящій чуть не надъ вселенной, и скончался вѣ своего любезнаго отечества на рукахъ чужеземцевъ, не озаботившихся призвать въ-время къ страдальческому одру его всеутѣшительной помощи въ божественномъ напутствіи святыми таинствами родной, истинной церкви,—скончался „безсмертный“, съ ужасомъ оцѣпѣивая въ ледяныхъ обятіяхъ смерти, безъ обращенія къ чему-либо высшему, небесному, вѣчному... Если завидна была его жизнь зем-

ная, въ изобиліи всѣхъ возможныхъ въ конечномъ мірѣ благъ, красоты, могущества, независимаго, широкаго блестящаго положенія въ обществѣ, со вкушеніемъ всемірной славы и безсмертія въ будущихъ поколѣніяхъ—то увы! не завидна его болѣзненная и безотрадная кончина. Братья православные! не пойдемъ участвовать въ торжествѣ его великолѣпныхъ гражданскихъ похоронъ, не пошлемъ лишнихъ нашихъ вѣнковъ на его гробъ подъ парчевымъ балдахиномъ, но подвигнемся дружно на молитву о новопреставленномъ, и да помилуетъ его Единъ имущій власть надъ живыми и мертвыми.

Елисавета Шахова.

